

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

УДК 314.72:001.891(470+571)

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ (Обзор)



Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия;
polozhikhina2@mail.ru

***Аннотация.** В обзоре представлена история изучения в России миграций (прежде всего внутренних) во взаимосвязи с трансформацией самих миграционных процессов и преобразованиями институциональной среды. В хронологическом порядке рассматривается смена приоритетов и направлений миграционных исследований, приводятся наиболее показательные для каждого периода научно-исследовательские работы, их авторы и институты, демонстрируется изменение подходов специалистов. В заключении перечисляются основные проблемы изучения внутренних миграций в стране в настоящее время и перспективные области исследований.*

***Ключевые слова:** внутренние миграции; Россия; научные исследования; миграциология; государственная миграционная политика.*

***Для цитирования:** Положихина М.А. Направления и проблемы изучения внутренней миграции в России // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 11–36.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi:10.31249/snsn/2024.01.01

Рукопись поступила 18.03.2024

Принята к печати 27.03.2024

Введение

Миграции представляют собой явление столь же древнее, как и само человечество; более того, миграционный процесс служит одним из механизмов формирования цивилизации, наций и государств. Несмотря на то, что массовые перемещения людей из одних регионов мира в другие существовали всегда и издавна привлекали внимание ученых, непосредственное изучение миграций началось сравнительно недавно. Современные научные представления о миграциях начали складываться в конце XIX в., и объектом исследований стали прежде всего внутренние миграции. Первая и классическая работа английского ученого немецкого происхождения Э.Г. Равенштейна (1834–1913) «The laws of migration» (1885) была написана на материалах внутренней миграции в Великобритании [Абдуллаев, 2019, с. 96; Василенко, 2014, с. 40–41]. И это не случайно, так как само явление очень наглядно, а фактический материал о нем доступнее по сравнению с внешними миграциями.

Следует отметить, что внутренние миграции имели особое значение для Российской империи (страны, «которая колонизируется»¹), а также для СССР в период ускоренной урбанизации и освоения северных и восточных регионов. Длительное преобладание внутристрановой миграции в истории России обусловило преимущественный интерес отечественных исследователей именно к внутренним перемещениям населения.

История изучения миграций в России достаточно хорошо известна, так как самостоятельной темой они стали тоже в конце XIX в.² Общепринятой в настоящее время является периодизация данного процесса, предложенная Л.Л. Рыбаковским [Рыбаковский, 2003], которую продолжают уточнять и дополнять. Ведь развитие миграций не останавливается, что определяет появление новых направлений и аспектов изучения, а также потребности в релевантных регуляторных действиях.

Специалисты подчеркивают, что «внутренняя миграция оказывает влияние на соотношение городского и сельского населения, плотность населения, половозрастную структуру, национальный состав. Изменения, происходящие во внутрироссийских миграционных потоках, вызванные

¹ «Это высказывание, впервые произнесенное историком С. Соловьевым в 1840-х годах, получило широкую известность благодаря труду по истории России под авторством В. Ключевского, опубликованному в 1911 г., и до сих пор является одним из самых известных афоризмов, касающихся российской истории» [Моррисон, 2022; Положихина, 2023].

² Обзор отечественных исследователей, занимавшихся миграционной тематикой, нередко начинают с М.В. Ломоносова. Последний, будучи энциклопедистом, интересовался и вопросами народонаселения («сохранения и приращения подданных Российской империи» [Василенко, 2014]), однако больше аспектами внешних миграций (в современной трактовке), а не внутренних.

растущими масштабами перемещения населения из периферийных территорий в столичные центры, а также из сельской местности, малых и средних городов в крупные города, заставляют по-новому взглянуть на миграционную политику с учетом проблем внутренней миграции» [Логина, Понукалина, 2015, с. 222].

Интерес к миграциям со стороны отечественных ученых то усиливается, то ослабевает (в зависимости от обстоятельств), но само явление остается актуальным объектом исследований (как и постоянным предметом государственной политики). Поэтому мы продолжаем возвращаться к теме изучения миграций – с целью обсуждения методических вопросов и решения новых, только появившихся проблем. Кроме того, дополнительного осмысления требует исторический контекст изучения миграций в России, а также влияние на этот процесс институционально-организационной составляющей.

История изучения внутренней миграции в России

Л.Л. Рыбаковский выделил следующие периоды в истории изучения миграций в России: до-революционный, 1920–1930-е годы XX в., послевоенный, с начала 1990-х годов до наших дней [Рыбаковский, 2003]. Последующее изложение в целом придерживается этого разграничения. Однако дополнительно рассматривается этап 1930–1950-х годов как очень важный с точки зрения внутренних миграций в стране. Кроме того, в связи с продолжением развития миграционных процессов в России, современный период (по Л.Л. Рыбаковскому) продлен до 2020-х годов и разделен на две части: постсоветский (1991–2022) и современный, в том числе этап 2002–2014 гг. и с 2014 г. по настоящее время.

Можно заметить, что этапы изучения миграций не совсем совпадают с развитием самого явления. «Так, Е.А. Ионцева миграционные процессы XVII – начала XX в. разделила на три этапа: XVII в. – середина XVIII в., миграции эпохи правления Екатерины II, миграции XIX – начала XX в. Региональные исследования (Сибирь, Дальний Восток, Урал, Европейский север и т.д.) содержат собственную периодизацию, характерную для выбранной территории и временного периода» [Василенко, 2014]. Следует признать, что теоретическое и научное осмысление миграционного процесса в России (как, впрочем, и во всем мире) запаздывало по отношению к его динамике. Более того, им сначала интересовались совсем не ученые, а администраторы и управленцы-практики. Безусловно, это наложило свой отпечаток на ход изучения миграционных процессов и на миграционную политику, определив разрыв между теорией и практикой.

Дореволюционный период (до 1917 г.). Внутренние миграции в Российской империи (и ранее) представляли собой в основном переселенческое движение крестьян (стихийное и организованное) из центральных районов страны на Кавказ и Причерноморье, Сибирь и Дальний Восток, Среднюю Азию, которое активизировалось с начала XIX в. В этот период аграрная колонизация

являлась главным инструментом хозяйственного освоения территории. «Чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев... Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, дававшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики» [Савоскул, 2014, с. 29–30].

Например, переселением в Причерноморье и на Кубань выходцев из украинских губерний (казаков) в 1821–1826 гг. занимался специально созданный Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска под председательством его атамана. «В обязанности чиновников входило “объезжать порученные им селения и узнавать нужды переселенцев, какие они имеют и о болезнях их, в случае, где окажутся больные требовать медицинских чиновников для пользования и всеми мерами не допускать до смертности”... Кроме того, чиновники должны были строго следить за тем, чтобы переселенцы не испытывали недостатка в земельном обеспечении, привлекать “к трудолюбию и хозяйственным работам и отнюдь не допускать их до тунеядства”. Офицеров и казаков, живущих в подведомственных селениях и хуторах, необходимо было привлечь к пожертвованиям в пользу беднейших переселенцев» [Самовтор, 2008].

С 1840-х годов добровольным переселением крестьян занималось Министерство государственных имуществ, преобразованное в 1894 г. в Министерство земледелия, а в 1905 г. – в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ)¹. Это ведомство стало главным государственным органом по вопросам крестьянской миграции; в его ведение было передано учрежденное в 1896 г. Переселенческое управление МВД. Кроме того, поощрением и организацией переселения в Сибирь занимался Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905) [Зубков, 2014; Ноздрин, 2024].

Научное изучение миграционных процессов началось во второй половине XIX в., когда накопился определенный фактический материал. «Основным источником информации по вопросам миграции служили так называемые переселенческие пункты, где скапливалась информация о мигрантах» [Самофалова, с. 80–81], а также непосредственные полевые наблюдения, которые принимали различные исследователи.

«По мнению Л.Л. Рыбаковского, первоначально миграции населения оказались в центре внимания географов и статистиков, а после этого – демографов и социологов²... Проблемы коло-

¹ С 1915 по 1917 гг. – Министерство земледелия.

² Примерами могут служить: Анучин Д.Н. (1843–1923, первый в России профессор географии) «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» (Тобольск, 1866); Григорьев В.Н. (1852–1925, один из известных специалистов, работавший в системе губернской статистики) «Программа для исследования переселенческого движения на местах выхо-

низации и переселений ... исследовались в органической связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами. Значительное количество работ было посвящено отхожим промыслам крестьян, что обусловлено отменой крепостного права и началом стадии активной урбанизации в России» [Савоскул, 2014, с. 29–30].

В конце XIX – начале XX в. стали появляться работы, обобщающие опыт организации переселенческого движения. В них анализировались причины переселения и приживаемость новоселов, а также обсуждались вопросы управления. Одной из первых стала работа А.А. Исаева (1851–1924)¹ «Переселения в русском народном хозяйстве» (1891), в которой среди прочего рассматривались «причины выезда русских крестьян из центральных губерний в Сибирь, социально-экономический состав переселенцев, условия жизни в пути, их взаимоотношения с местным населением, образ жизни и отношение к труду приезжих и старожилов» [Кравченко, 2010].

В 1905 г. выходит монография А.А. Кауфмана (1864–1919)² «Переселение и колонизация» (Санкт-Петербург), объединяющая «основные отечественные изыскания по этому поводу» [Самофалова, с. 80–81]. В частности, «А.А. Кауфман предлагал правильный, с его точки зрения, набор необходимых качеств переселенца для успешной колонизации». Также он считал, что колонизация «являлась одним из важнейших способов развития человечества, и с ее помощью распространялась культура из одних частей света в другие (тогда как А.А. Исаев был сторонником государственного управления колонизационным делом)» [Долгов, 2015, с. 29]. Наконец, появляются работы И.Л. Ямзина (1882–1934)³: «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян» (Киев, 1912) и «Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по ис-

да переселенцев» (Москва, 1884), «Переселение крестьян Рязанской губернии» (Москва, 1885); Гурвич И.А. (1860–1924, экономист и публицист, социал-демократ, в 1881–1885 гг. находился в ссылке в Сибири, в 1889 г. эмигрировал из России и жил в США) «Переселение крестьян в Сибирь» (Москва, 1888) и др. [Савоскул, 2014, с. 29–30; Григорьев Василий Николаевич, 2024; Гурвич Исаак Аронович, 2024].

¹ Один из крупнейших российских экономистов и социологов, имевший опыт работы статистиком в Московском губернском земстве и стажировавшийся в Германии; преподаватель Санкт-Петербургского университета; инициатор создания Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам в 1890 г. Являлся сторонником кооперативного социализма, идеи которого до и после революции защищали два других отечественных ученых – М. Туган-Барановский и А. Чаянов. Статистическими данными и выводами А.А. Исаева многократно пользовался В.И. Ленин [Кравченко, 2010].

² Экономист, «статистик-теоретик с европейским именем», «автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, аграрным общинам и переселенческим вопросам». Один из организаторов и лидеров конституционно-демократической партии (кадетов). После завершения образования в 1887 г. работал в Министерстве государственных имуществ (по направлению поземельного обустройства и переселенческому делу в Сибири), в 1905 г. «составил подробный проект закона о дополнительном наделении» крестьян землей, который, однако, не был официально поддержан. Не желая «при создавшихся условиях продолжать службу», в 1906 г. вышел в отставку и занимался «подготовкой проекта новой аграрной реформы» уже в партии кадетов. После 1907 г. полностью переключился на преподавательскую и научную деятельность [Дэн, 1919; Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16].

³ Экономист, научная деятельность которого в значительной была «посвящена изучению вопросов внутренней колонизации и переселений» в России. Окончил Киевский университет (1912), участвовал в революционном движении. В 1913–1922 гг. преподавал в вузах Воронежа. В 1922–1926 гг. был заместителем директора Государственного НИИ землеустройства и переселений, затем работал в центральных плановых органах СССР [Ямзин, 2024].

следованию Переселенческого управления» (1913), в которых анализируются «миграционные процессы за период с момента освобождения крестьян до 1912 г.» [Беляева, 2023].

«В самом общем виде все подходы к переселенческой политике в Сибири и на Дальнем Востоке Российской империи условно разделяются на концепции, относящиеся, во-первых, к выбору районов выхода переселенцев, во-вторых, к подбору состава переселенцев и, в-третьих, к стимулированию переселений» [Воробьева, Рыбаковский Л., Рыбаковский О., 2016, с. 187]. «Теоретические исследования сводились к изучению особенностей процесса колонизации в Российской империи и в колониальных странах Западной Европы» [Долгов, 2015, с. 30]. «Мнения ученых, занимавшихся данным вопросом, в целом сводились к следующим принципам: а) колонизация – это позитивный опыт на этапах развития человечества, позволяющий развивать сельское хозяйство и наращивать военную мощь страны; б) возможное переселение ... должно происходить поэтапно, желательно в близлежащие районы или необжитые места; в) благотворительные меры для стимулирования миграции пагубны, так как это способствует миграции более слабого, экономически незащищенного населения» [Самофалова, с. 80–81].

Как отмечается, «выработанные научно обоснованные концептуальные подходы к политике переселения позволили выстроить систему экономических и административных мер и инструментов их применения, ... достигнуть главной цели переселенческой политики: увеличить численность и плотность населения, ввести в хозяйственный оборот природные ресурсы [новых] регионов, создать экономический потенциал для их дальнейшего развития» [Воробьева, Рыбаковский Л., Рыбаковский О., 2016, с. 187].

Анализируя историю крестьянской миграции, современный отечественный историк И.В. Зубков приводит следующие данные. «Всего в 1861–1917 гг. за Урал проследовало (без учета вернувшихся обратно) около 5,3 млн человек. Благодаря этому численность населения Сибири в 1897–1916 г. удвоилась (рост с 5,8 до 11 млн человек). В 1908 г. переселенческий поток в Сибирь достиг максимума в истории страны – 665 тыс. человек. ... Они получили и освоили около 33 млн га земли, их наделы на родине были куплены односельчанами. Не смогли устроиться на новом месте и вернулись обратно около 17 % переселенцев, главным образом “самовольных”. С началом Первой мировой войны переселенчество резко сократилось (в 1913 за Урал переселились 337 тыс. человек, в 1914 – 232 тыс. человек, в 1915 – 15 тыс. человек и в 1916 – 2,6 тыс. человек) и полностью прекратилось в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.» [Зубков, 2014].

Советский период. В течение этого периода в России / СССР происходили серьезные трансформации внутренней миграции населения, а также ее институциональных условий. Менялись и подходы к изучению миграций, хотя процесс этот был не очень быстрым и даже драматичным:

а) довоенный этап (1920-х – начало 1930-х гг.). В конце Гражданской войны снова началась интенсивная (стихийная) миграция населения из центра страны, в том числе на восток (в связи с

разразившимся в 1921 г. голодом). Однако сначала сил и средств контролировать этот процесс у новой власти не хватало. Тем не менее, стало возобновляться и организованное переселение крестьян. Первоначально Совет Народных Комиссаров (СНК) возложил руководство переселенческими мероприятиями на учреждения, созданные в регионах в период функционирования Временного правительства. «Контроль над их деятельностью осуществляло Переселенческое управление, которое было преобразовано в один из отделов Наркомата земледелия¹». Уже «в 1924 г., на III съезде Советов, было принято решение о переселении “избыточного” крестьянского населения из наиболее малоземельных районов на восточные окраины. ... 17 октября 1924 г., впервые при советской власти, были сформулированы основные положения и намечены главнейшие задачи колонизации и переселения, создана первая региональная переселенческая организация — Поволжская колонизационная экспедиция. ... в 1925 г. ... в стране было вновь открыто массовое плановое переселение. Руководство переселением возлагалось на вновь созданный Центральный колонизационный комитет (1924), преобразованный в 1925 г. во Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК СССР) при ЦИК СССР. На местах бывшие отделы Переселенческого управления были трансформированы в районные управления» [Занданова, 2007]. «... в связи с необходимостью укрепления восточных границ и освоения богатых природных ресурсов снова были предприняты попытки направить миграционные потоки на Дальний Восток. Во второй половине 1920-х гг. на данную территорию мигрировали 147,3 тыс. чел. (1/3 общего числа внутрироссийской миграции того времени)» [Логонова, Понукалина, 2015, с. 224].

В 1930 г. Всесоюзный переселенческий комитет был упразднен, и его опять заменил переселенческий сектор Наркомата земледелия СССР (похожие функции выполняли и другие его подразделения, в том числе зерновое и хлопковое управления). С 1931 г. был также введен «организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства, в том числе на восточные территории страны» [Беляева, 2023, с. 22], который осуществлялся различными министерствами и ведомствами.

В целях развития научного сопровождения переселения «в 1922 г. был создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (Госколонит), преобразованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения. Институт провел ряд исследований в Сибири, на Урале, других районах. Но просуществовал он недолго – всего 8 лет, и был расформирован в 1930 г.» [Беляева, 2023, с. 22; Суворова, Филимонов, 2020]. «По мнению Л.Л. Рыбаковского, в этот период еще продолжают традиции изучения ми-

¹ Входил в структуру Совета Народных Комиссаров (СНК) – первого советского правительства, утвержденного на II Всероссийском съезде Советов в ноябре 1917 г.

грации населения, заложенные в дореволюционное время, что отчасти связано с продолжающимся переселенческим движением» [Савоскул, 2014, с. 30].

Вместе с тем статистические «исследования 1920-х годов обнаружили новые тенденции в миграционных процессах – большой приток населения в города и рост числа городов на востоке страны» [Беляева, 2023, с. 22]. «Знаковой работой данного периода по миграции стало пособие для вузов И.Л. Ямзина и В.П. Воцинина (1926), в которой авторы рассматривали» не только организацию «переселения из малоземельных регионов в многоземельные», но и «приток сельского населения в города» [Долгов, 2015, с. 30]. Как и труд А.А. Кауфмана, это пособие носило «не столько научно-фундаментальный характер, сколько прикладной», но уже имело «принципиальное отличие в целеполагании – в первом случае, это решение аграрного вопроса, во втором, проведение индустриализации» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16].

В эти же годы проблемами миграции начинают интересоваться Л.Е. Минц (1893–1979)¹ и С.Г. Струмилин (1877–1974)² в контексте составления балансов трудовых ресурсов: «перераспределения трудовых ресурсов между городом и селом и между отраслями народного хозяйства». В частности, С.Г. Струмилин анализировал «экономические причины и последствия миграции – ее связь с уровнем цен, оплатой труда, емкостью потребительского рынка» [Беляева, 2023, с. 22; Савоскул, 2014, с. 30; Долгов, 2015, с. 30].

Таким образом, в данный период при интенсификации миграционного движения населения в стране происходили резкие преобразования системы его государственного регулирования³, а также «скачки» масштабов миграций. Согласно переписи населения 1926 г., «в территориальных перемещениях принял участие каждый четвертый житель России». По данным исследования В.М. Моисеенко, максимальный миграционный прирост в городах СССР в 1928–1935 гг. приходился на 1931 г. (4 100 тыс. человек), а минимальный – на 1933 г. (772 тыс. человек) [Беляева, 2023, с. 22]. По мере развития новых форм / направлений миграции населения появляются и новые аспекты ее изучения, связанные с урбанизацией и планированием размещения производительных

¹ Видный советский ученый – экономист и статистик, д-р экон. наук. В 1920–1930 гг. работал на посту заведующего Отделом статистики труда Народного комиссариата труда СССР, являлся членом Статплана СССР (1929–1930). В этот период были опубликованы его известные работы в области статистики труда и баланса трудовых ресурсов, в том числе «Отход крестьянского населения на заработки» (1926) и «Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР» (1929). В 1930-е годы Л.Е. Минц был репрессирован и реабилитирован в 1950-е годы. В 1959–1962 гг. он возглавлял Лабораторию экономико-математических методов Совета по изучению производительных сил АН СССР, а с 1963 г. и до последних дней жизни работал заведующим лабораторией и старшим научным сотрудником в ЦЭМИ АН СССР [115 лет ... , 2008].

² Ведущий советский экономист, статистик и демограф, академик, руководитель разработки первой в мире системы материальных балансов и один из авторов пятилетних планов индустриализации СССР. Участник революционного движения. В 1930-е годы был заместителем председателя Госплана СССР; в 1932–1934 гг. – заместителем начальника ЦУНХУ (ныне – Росстат); в 1931–1957 гг. – членом и заместителем председателя Совета по изучению производительных сил страны АН СССР [Станислав Густавович Струмилин, 2004].

³ В 1933 г. в СССР была введена единая паспортная система и обязательная прописка по месту жительства для жителей городов, рабочих поселков и новостроек, а также работников совхозов. Колхозники и крестьяне-единоличники паспортов не имели и не могли переезжать в город без разрешения.

сил. Но, несмотря на произошедшие изменения, «на концептуальном уровне, по сравнению с прошлым этапом, ничего нового разработано не было» [Долгов, 2015, с. 30]. Возможно, для этого не хватило фактического материала и времени на его осмысление.

Кроме того, сыграли свою роль и идеологические ограничения, накладывавшиеся советской властью: «возникает тенденция к замкнутости русскоязычных ученых от ученых буржуазного мира... Пытаясь найти ответы на волнующие государство экономические и социальные вопросы, каждый из исследователей замыкается на поставленной ему задаче. В итоге замкнутость на поставленных задачах, в сочетании с небольшими объемами данных о перемещениях не позволяет авторам ввести в научную дискуссию фундаментальные обобщения о миграции, выделять и формулировать миграционные законы (как Э. Равенштайн или С. Стаффер), то есть делать то, что делали классики англоязычной традиции изучения миграционных исследований... Вместе с тем преобразования, вызванные революцией 1917 г., положили конец надеждам на возможную преемственность между дореволюционной и советской традицией изучения миграции. Настроенным на форсированную индустриализацию советским исследователям стала неинтересна аграрная тематика, доминировавшая в исследованиях дореволюционных ученых. Исследования этих двух эпох русского мира не совместимы, так как направлены на выполнение двух принципиально разных прикладных социальных заказов (аграрный вопрос и индустриализация). В результате сложившихся обстоятельств русскоязычная школа изучения миграций так и не состоялась» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16–17, 20].

б) *этап 1930–1950-х гг.*, считается временем «полного забвения и коллапса миграционной науки» в России / СССР [Савоскул, 2014, с. 30]. Вместе с тем это был период самых массовых и разнообразных миграций в истории страны.

Так, в конце 1920-х годов «организованное добровольное переселение крестьянства» (в прежнем понимании) было прекращено. «Плановое [добровольное] организованное переселение в 1930–1933 гг. осуществлялось только в виде переселения красноармейцев и их семей в восточные районы ... Переселенцев-красноармейцев направляли в основном на Дальний Восток, но небольшую их часть приняли также в ряде районов Алтайского края, Средней Азии, Кубани и Восточной Сибири ... Руководила всеми мероприятиями (до 1931 г.) созданная при Далькрайисполкоме комиссия по переселению. В последующем руководство красноармейским переселением находилось в ведении сектора красноармейских колхозов при Колхозсоюзе¹, а строительство, связанное с переселением, курировал Дальстрой (в составе Главного управления лагерей НКВД СССР – ГУЛАГа)» [Занданова, 2007, с. 32].

¹ Другие названия – Колхозцентр, Всесоюзный союз сельскохозяйственных коллективов СССР.

Одновременно в стране растут масштабы насильственного переселения. В частности, «в период проведения массовой коллективизации переселенческие органы [на местах] стали частью репрессивной системы – они были привлечены к принудительному выселению кулацких семей» [Занданова, 2007, с. 32], которое проводило ОГПУ. Кроме того, с 1936 г. «существовал Переселенческий отдел при ГУЛАГе, на который возлагалась задача по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также в других главных стройках Советского Союза» [Сон, 2017]. Эта структура осуществляла «перемещение огромной армии бесплатной рабочей силы в Сибирь и на Дальний Восток» [Занданова, 2007, с. 34], а также в другие слабозаселенные районы страны.

«Новый этап переселения крестьянства начался в середине 1930-х гг. в связи с интенсивной индустриализацией Сибири и оттоком сельского населения в города. По ходатайству Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в 1935 г. было вновь открыто плановое переселение колхозников из малоземельных районов Центральной России в восточно-сибирские районы ... В 1936 г. взамен ранее существовавших структур была создана единая общесоюзная организация – Переселенческое управление при СНК СССР ... Деятельность ... в основном была направлена на переселение целых колхозов и отдельных семей колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные, в том числе и с земель, используемых под строительство промышленных предприятий, железнодорожных магистралей, гидростанций и т.д.» [Занданова, 2007, с. 33–34].

Специалисты отмечают, что «советская миграционная политика была преемницей дореволюционной системы, часто осуществляла регулирование миграционных потоков репрессивными методами» [Беляева, 2023, с. 16]. Вместе с тем, в 1930-е годы аграрное перенаселение страны было ликвидировано (благодаря высоким темпам индустриализации и урбанизации). «Миграция стала оцениваться как важный фактор размещения производительных сил» [Долгов, 2015, с. 30].

Начало Великой Отечественной войны в 1941 г. вызвало новый гигантский поток внутренних мигрантов (беженцев и эвакуированных). «3 июля 1941 г. был создан Совет по эвакуации, в связи с этим Переселенческое управление было преобразовано в Управление по эвакуации населения. В январе 1942 г. оно было ликвидировано, а для осуществления указанных задач был создан Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения с переселенческим сектором. Благодаря этой деятельности в 1941–1945 гг. ... 148 237 семей плановых переселенцев из 37 западных областей были приняты в тыловых районах. Всего в годы войны удалось вывезти и разместить в восточных районах около 8 млн жителей из оккупированных и прифронтовых территорий¹. Одновременно в 1944–1945 гг. Отдел по хозяйственному устройству

¹ В данном случае не рассматриваются и не учитываются насильственные этнические переселения (депортации) 11 народов (корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, осетины, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы).

эвакуированного населения был привлечен к приему и размещению репатриированных советских граждан, интернированию на родину граждан польской национальности и ингерманландского происхождения... В сентябре 1945 г. он был преобразован в самостоятельное Переселенческое управление при правительстве (Совете Министров) РСФСР. На него было возложено переселение колхозников малоземельных областей в многоземельные (т.н. межобластное), переселение внутри областей, а также переселения по особым распоряжениям правительства (репатриация и реэвакуации советских граждан)» [Занданова, 2007, с. 36–37]. В частности, в 1946–1947 гг. управление организовывало заселение Саратовской, Крымской, Южно-Сахалинской и Калининградской областей.

В 1950-е годы Переселенческое управление несколько раз реорганизовывалось и переименовалось, но наиболее значительным было преобразование 1956 г., когда Главное переселенческое управление и Главное управление организованного набора рабочих были объединены в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР [Занданова, 2007, с. 37–41]. Такая реорганизация была связана в том числе с последним крупным направлением в истории организованного переселенческого движения в России / СССР – массовым освоением целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане в 1954–1965 гг. Определенные «меры по оказанию содействия целинникам, в том числе льготы для переселенцев», а также «патриотический подъем, охвативший значительную часть населения страны в этот период, способствовал тому, что в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан прибыло сверхплановое число новоселов... Основной заботой переселенческих органов стало создание новоселам в короткие сроки нормальных жилищно-бытовых условий и строительство жилья» [Занданова, 2007, с. 41].

Несмотря на такие масштабные и разнообразные внутренние миграционные процессы в стране, «1930–1950-е гг. характеризуются резким снижением внимания [отечественных] ученых к миграционной тематике» [Савоскул, 2014, с. 30]. И тому есть ряд причин. К их числу относится, как уже отмечалось, вынужденный отказ от дореволюционного наследия (из-за различного целеполагания) и обособление от зарубежных исследований (по идеологическим причинам). Во-вторых, существовала проблема с фактическим материалом из-за разгрома отечественной статистики после переписи населения 1935 г., а также засекреченности многих данных.

Наконец, понятийный аппарат и концепции колонизации / переселенчества не соответствовали «базовым» постулатам марксизма-ленинизма, в том числе идеям интернационализма и поддержки национально-освободительного движения за рубежом (особенно в колониях), подъему и развитию национальных окраин внутри страны. Этот теоретический диссонанс необходимо было преодолеть, предложив другие подходы, не противоречащие советской идеологии и не «подпитывающие» местный национализм. Неслучайно, что параллельно обширной практике по организации переселений в это время «шли теоретические споры по поводу определения ключевых понятий: “миграция”, “переселение”, “факторы миграции” и т.д.» [Самофалова, 2019, с. 81; Суворова,

Филимонов, 2020]. Уже в конце 1940-х годов «появляются исследования миграции населения географа В.В. Покшишевского (1905–1984), заложившего многие традиции изучения миграции населения в [современной отечественной] географической науке». Именно В.В. Покшишевский¹ ввел в оборот и стал активно применять термин «миграция населения» вместо распространенного ранее понятия «переселение» [Савоскул, 2014, с. 30].

Преодоление перечисленных выше проблем обеспечило последующий ренессанс миграционных исследований в России. Однако нельзя не обратить внимания на следующий факт. Хотя научные исследования внутренних миграций в 1930–1950-е годы практически не велись, а ссылаться на прежние авторитеты было небезопасно², но оставались те, кто у них учился (многие дореволюционные специалисты в области переселения активно занимались преподавательской деятельностью). Более того, сами «переселенческие органы трансформировались из одного в другой, сохраняя при этом преемственность традиций» [Занданова, 2007, с. 44]. Поэтому остается открытым вопрос – влияли ли идеи (теоретические подходы) предшественников на организацию переселений в этот период?

в) *послевоенный этап* (конец 1960-х и до начала 1990-х годов). «К середине 1960-х годов, с завершением этапа массового освоения целинных и залежных земель, резко сократились и масштабы [организованных] переселений. В связи со сложившейся ситуацией постановлением Совета Министров РСФСР от 11 февраля 1967 г. “О мерах по улучшению использования трудовых ресурсов” Главное управление переселения и организованного набора рабочих было упразднено. В дальнейшем вопросами, связанными с переселением, ведал соответствующий отдел Государственного комитета по труду» [Занданова, 2007, с. 43].

Тем не менее организованные наборы рабочих на заводы и стройки в разных регионах страны продолжались. Примером могут служить комсомольские «строительные десанты» на Байкало-Амурской магистрали в 1974–1984 гг., которая была объявлена Всесоюзной комсомольской ударной стройкой³ [Байкалов, 2022, с. 106–112; От мечты до стройки ... , 2024]. Одновременно получило распространение такое явление, как «лимитчики» – иногородние работники предприятий, проживающие в специальных общежитиях (например, данная категория была широко представлена в г. Москве). Но гораздо большее значение имело разрешение выдавать паспорта всем гражданам СССР (с 16-ти лет), включая сельских жителей и колхозников, принятое в 1974 г. (согласно

¹ В 1949 г. защитил докторскую диссертацию на тему «География миграций населения в СССР».

² «Часть экспертов [сотрудников Госколонита с богатым практическим опытом, знанием разнообразных региональных колонизационных программ и сильной научной подготовкой] расстреляют в 1930-е годы (В.Р. Берг, В.В. Барышевцев, Н.В. Билевич, В.Ч. Дорогостайский, Н.Е. Ишмаев и др.), часть – арестуют и отправят в ссылку (М.И. Альтшуллер, В.П. Воцинин, Н.П. Огановский, А.М. Ярмош)» [Суворова, Филимонов, 2020, с. 47], с последующей реабилитацией в 1950-х годах.

³ Одновременно при прокладке путей широко использовался труд заключенных и военно-строительных формирований.

постановлению Совета Министров СССР от 28.08.1974 № 677). В результате в стране начала развиваться стихийная внутренняя миграция населения, величина которой быстро превысила масштабы организованных перемещений.

Также «с 1960-х годов начала восстанавливаться прерванная традиция изучения проблем миграций населения [в т.ч. в восточные регионы страны]» [Беляева, 2023, с. 24]. Этому способствовало появление доступных статистических данных (особенно материалов переписи населения 1956 г., а потом и 1970 г.) и открывшиеся возможности для отечественных специалистов знакомиться с работами иностранных ученых (хотя и ограниченные).

В 1957 г. было создано Сибирское отделение АН СССР (СО АН СССР), в котором возникла научная школа изучения миграций социологического уклона. «Основным направлением работы школы было развитие теории миграции и ее социологическое изучение. Исследования проводились преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. Лидер школы В.И. Переведенцев опубликовал в 1965 г. монографию “Современная миграция населения Западной Сибири”, в которой рассматривается история заселения Западной Сибири выходцами из различных районов России» [Беляева, 2023, с. 24]. Вторым стал московский центр миграционных исследований. Изучением внутренних миграций занимались, прежде всего, на географическом (в контексте рационального размещения населения и процесса урбанизации) и экономическом (в рамках демографического подхода¹) факультетах МГУ им. Ломоносова, а также в Институте социологии РАН (организован в 1968 г.).

Тема миграции постепенно выходит из «подчиненного» состояния и обретает свою «самостоятельность» в научных работах. Период 1970–1980-х годов можно считать наиболее продуктивным с точки зрения изучения внутренних миграций в СССР, ознаменовавшимся целым «шквалом работ» [Рыбаковский, 2017, с. 102]. «Это время активизации и появления различных направлений в исследовании миграций населения. Значительная часть работ посвящена основным тенденциям в миграционном поведении населения, в том числе безвозвратным миграциям, методам анализа миграционной подвижности, вопросам методологии и классификации миграций. Фокус работ в этот период направлен на межрегиональные внутренние миграции населения СССР, на анализ миграции село–город в условиях активной урбанизации. Отдельной немаловажной темой стала проблематика приживаемости новоселов в регионах нового освоения и решение кадровых проблем в связи с оттоком населения из сельской местности. Именно в этот период появляются работы, посвященные анализу маятниковых миграций» [Савоскул, 2014, с. 30]. «Большое количество работ было посвящено миграционной политике в СССР. Исследуются такие ранее не изучае-

¹ Прежде всего, в Центре по изучению проблем народонаселения под руководством д-ра экон. наук, проф. Д.И. Валентя (1922–1994).

мые проблемы, как миграция молодежи и пожилых людей, а также брачная и учебная, ... влияние на качественный и количественный состав населения, на рост столичных городов союзных республик; взаимосвязь с жилищными условиями и уровнем жизни» [Долгов, 2015, с. 30–31]. Вопросами миграций занимаются Т.И. Заславская и Ж.А. Зайончковская, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек, А.В. Топилин, Л.Л. Рыбаковский, В.И. Моисеенко, О.В. Воробьева и многие другие ученые [Рыбаковский, 2017, с. 102; Самофалова, 2019, с. 82].

Помимо интенсивных эмпирических исследований начинаются теоретические изыскания в данном направлении. «Одни [ученые] непосредственно занимались разработкой теоретических и методологических вопросов. Например, И.С. Матлин рассмотрел возможность математического моделирования миграции, а Л.Л. Рыбаковский предложил стандартизированные по двум основаниям (относительно районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМС). Другие пытались теоретически интерпретировать региональный эмпирический материал, например В.И. Переведенцев» [Долгов, 2015, с. 30–31].

Вкладом советских ученых в развитие теории миграции можно считать «1) создание нового подхода к изучению миграционных проблем, получившего название проблемного; 2) развитие теории трехстадийности миграционного процесса; 3) развитие теории миграционного поведения» [Долгов, 2015, с. 30–31]. Более того, в конце 1980-х годов была предпринята попытка создания миграциологии¹ – «научного направления, изучающего миграционное движение населения во всем многообразии его видов и форм, наиболее полно воплощающее в себе необходимость комплексного подхода к его изучению». В 1987 г. на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова читался специальный курс «Миграциология», а в 1989 г. в издательстве МГУ было выпущено соответствующее учебное пособие (авторы М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев) [Ионцев, 1999, с. 72]. Однако дальнейшие события не позволили развиваться этому направлению, несмотря на наличие сторонников и последователей (см., например: [Кирсанов, Волох, Очиров, 2012]).

Постсоветский период (1991–2002) стал временем резкой смены тематики и характера миграционных исследований, произошедшей вслед за кардинальными переменами в жизни страны.

Во-первых, началась активная внешняя миграция населения, причем как эмиграция (традиционная для России), так и иммиграция (совершенно новое для страны явление), которая быстро превратилась в доминирующее направление миграционных потоков. Во-вторых, «после распада СССР в конце 1991 г. на постсоветском пространстве миграция приобрела вынужденный характер и ярко выраженную этническую окраску. Стали развиваться новые ее виды: [внешняя] трудовая, коммерческая (или “челночная”), нелегальная, вынужденная и др.» [Савоскул, 2014, с. 31]. В-третьих, «в постсоветских условиях количество внутренних мигрантов резко сократилось [по сравне-

¹ Термин предложен д-ром геогр. наук, проф. Б.С. Хоревым (1932–2003).

нию с высоким уровнем внутренней миграции на протяжении всего советского периода вплоть до конца 1980-х гг.]. Так, по оценке Н.В. Мкртчяна, в среднем за 2000-е гг. ... во внутренней миграции ежегодно участвовали примерно 2 млн россиян. Это свидетельствует об относительно невысоком уровне миграционной мобильности по сравнению с советским периодом, когда число внутренних мигрантов составляло около 5 млн. Эксперты объясняют это [в том числе] недостатками статистического учета внутренней миграции, а также ростом временных форм внутренней миграции (без смены места жительства), замещающих постоянную форму миграции (со сменой места жительства)» [Логина, Понукалина, 2015, с. 224].

Для решения возникших проблем переселенцев и беженцев из «горячих точек», а также регулирования притока внешних трудовых мигрантов был создан ряд государственных структур, в том числе Федеральная миграционная служба России (в 1992 г.)¹ – на базе Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения РФ. Одновременно значительно увеличился объем доступной статистической и научной информации по миграционной тематике за счет рассекречивания отечественных архивных материалов и открывшегося широкого доступа к зарубежным источникам. Кроме того, имело значение присоединение России к деятельности соответствующих международных организаций, в том числе Международной организации по миграции и Международной организации труда.

«Исследователи миграции населения быстро отреагировали на данные перемены» [Долгов, 2015, с. 31]. По словам Ж.А. Зайончковской, в 1990-е годы «произошел перелом в направлениях исследований ... Он затронул весь исследовательский комплекс, включая тематику исследований, актуальные акценты, методы исследований и территориальный охват, а также почти полностью привел к смене авторов. Только отдельные авторы являются носителями преемственности в миграционной сфере знаний и этот мостик преемственности очень узок и хрупок» [Методология и методы изучения ... , 2007, с. 12].

На фоне резкого роста миграционных потоков и повышения их разнообразия миграционной проблематикой стали заниматься многие научно-исследовательские организации экономического, юридического и исторического профиля (а не только географического, демографического и социологического): Институт народнохозяйственного прогнозирования, Институт социально-политических исследований, Институт экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Институт российской истории, Институт этнологии и антропологии и др., – а также исследовательские группы в рамках некоммерческих (общественных) организаций (НКО)². На-

¹ В 2016 г. упразднена, а ее функции переданы в Главное управление по вопросам миграции МВД РФ.

² В частности, исследование миграций поддерживали Фонд Макартуров (действовал в России с 1991 по 2015 г., когда его благотворительность была признана «нежелательной на территории РФ»), Фонд Форда (действовал в России с 1996 по 2015 г.) и Московский центр Карнеги (действовал в России с 1994 по 2022 г., был признан иноагентом).

пример, в 1997 г. в Москве были созданы Центр изучения вынужденной миграции в СНГ¹ (в 2003 г. преобразован в Центр изучения миграций) и Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии².

«Для этого этапа самыми популярными в изучении миграции населения становятся следующие темы: вынужденная миграция на постсоветском пространстве (Г.С. Витковская, Е.И. Филиппова), миграция русскоязычного населения (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская), эмиграция (В.В. Степанов, Р.А. Варданян, В.Д. Войнова), принудительные миграции (П.М. Полян, В.Н. Земсков), “утечка умов” (И.Г. Ушкалов)» [Савоскул, 2014, с. 31], историческая демография и движение населения (В.М. Кабузан), сельская и городская миграция (Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский и др.). При этом отечественные специалисты активно знакомятся и осваивают западные концепции миграций, так как теперь Россия участвует в международном миграционном движении наравне с другими развитыми странами (сблизившись с ними по проблематике). В связи с этим следует отметить работу В.А. Ионцева «Международная миграция населения: теория и история изучения» (1999), в которой была приведена классификация 17-ти научных подходов к изучению миграции населения в мире [Ионцев, 1999, с. 106–133].

Вместе с тем «происходит сокращение числа работ по маятниковым миграциям, практически не затрагиваются теоретические и методические вопросы изучения миграций населения» [Савоскул, 2014, с. 31]. Крайне мало в 1990-е годы было работ по миграции населения в региональном разрезе [Долгов, 2015, с. 31].

Таким образом, в данный период снова произошел определенный разрыв отечественных исследователей миграций с их предшественниками – как в плане эмпирического материала, так и теоретических подходов, прежде всего из-за очередного изменения предмета изучения и институциональных преобразований. Одновременно проблематика изучения миграций в России стала во многом совпадать с направлениями их исследования в других странах мира, а отечественные специалисты вошли в мировой дискурс по миграционным вопросам.

Современный период изучения миграций в России

«В 2000-х гг. исследования миграции населения начали новый виток развития» [Долгов, 2015, с. 33]. Продолжая периодизацию Л.Л. Рыбаковского, здесь можно выделить следующие два этапа, границы которых определяет изменение миграционных потоков.

¹ «У истоков деятельности Центра стоял д-р Артур Хелтон, директор Программ по вынужденной миграции Института “Открытое общество”, безвременно погибший при взрыве здания ООН в Багдаде в августе 2003 г.» [История создания, 2024].

² «Создан по инициативе Лаборатории миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, чтобы предотвратить деградацию миграционного научного сообщества после распада СССР» [История создания, 2024].

а) 2002 г. – 2014 гг. В России «... четко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны, прежде всего в регионы с развитой социальной сферой, наличием хорошо оплачиваемых рабочих мест, благоприятными климатическими условиями...» [Беляева, 2023, с. 14]. Кроме того, «в 2000-х гг. произошло сокращение стрессовых миграций, связанных с распадом СССР. Основной мигрантский поток в Россию составили трудовые мигранты» [Долгов, 2015, с. 32].

Наконец, «в 2011 г. произошли изменения в порядке учета миграции. Росстат стал учитывать не только тех, кто зарегистрировался по месту пребывания на срок более 1 года, но и на срок 9 месяцев и более. В результате масштабы межрегиональной миграции в России резко выросли. Так, если в 2010 г. (до изменений в порядке учета миграции) численность населения, выехавшего за пределы своего субъекта в поисках работы, достигла 1,8 млн человек (2,6% от общей численности занятого населения в стране), то в 2011 г. количество внутрироссийских миграций уже составило 3,1 млн человек. По данным статистики, в 2014 г. число внутренних мигрантов в пределах страны составило 4,1 млн человек, в т.ч. 3,0 млн — это граждане трудоспособного возраста. Межрегиональные миграционные потоки распределяются в пользу наиболее динамично развивающихся федеральных округов» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 224].

Важным событием стало принятие в 2012 г. первой Концепции миграционной политики РФ на период до 2025 г., в которой были определены цели государственной миграционной политики (в том числе обеспечение национальной безопасности, стабилизация и увеличение численности постоянного населения страны, содействие удовлетворению потребности экономики в рабочей силе), а также ряд основных понятий (временная и постоянная миграция; трудовая, образовательная и академическая миграция и т.д.) [Концепция ... , 2012; Силантьев, 2020, с. 146–147].

В 2007 г. создается Институт демографии (ИДЭМ)¹ в НИУ-ВШЭ, и в него переходит Центр демографии и экологии человека (создан в 1988 г. в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН). В результате ИДЭМ быстро превращается в один из крупнейших центров изучения миграций в России. Исследования по миграционной проблематике традиционно продолжают в других отечественных вузах (в том числе в МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ и др.) и академических институтах. Причем круг научных дисциплин, в которых начинают изучаться вопросы, связанные с миграциями населения, резко расширяется (к исследованиям присоединяются политологи, культурологи, педагоги, психологи, генетики и т.д.).

Для данного этапа «характерна очередная смена тематики исследований и рост разнообразия используемых методов. Преобладающими темами в исследованиях стали внешние трудовые миграции (Ю.Ф. Флоринская, Ж.А. Зайончковская), внутренние трудовые миграции (Ю.М. Плюс-

¹ В 2021 г. присвоено имя А.Г. Вишневого (1935–2021).

нин), этнические миграции (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, В.С. Белозеров), адаптация трудовых мигрантов в России (В.Н. Петров), миграционная политика в мире и России (В.И. Мукомель, И.В. Ивахнюк), гендерные аспекты миграции (Е.В. Тюрюканова). Также появляются работы по обобщению теорий миграции в России и мире (Т.Н. Юдина, М.С. Блинова). Увеличивается число работ по миграциям населения в зарубежных странах (С.В. Рязанцев)» [Савоскул, 2014, с. 31], включая «анализ расселения мигрантов на внутригородском уровне» [Карачурина, Мкртчян, Савоскул, 2022].

«В 2000-е гг. исследователи миграции уже более основательно продолжили изучение наметившихся в прошлое десятилетие разнообразных проблем. Появились качественные региональные исследования. Большое количество публикаций концентрируется на правовом регулировании миграции населения. По сравнению с прошлым десятилетием увеличилось количество теоретических исследований. В.И. Мукомель рассмотрел теоретические и практические аспекты интеграции мигрантов в новое общество. В.М. Моисеенко критически оценивает недостатки методик учета миграции в различных ведомствах России. Во многих исследованиях рассматриваются вопросы методологии и методики анализа разных видов миграции» [Долгов, 2015, с. 32]. Нельзя не отметить также вышедшие в этот период работы по истории изучения миграций в России / СССР В.М. Моисеенко и Л.Л. Рыбаковского, направление исследований которых в дальнейшем продолжили М.С. Савоскул, Н.В. Мкртчян, П.П. Лисицын, П.В. Василенко, Л.А. Беляева и др.

Основными подходами к изучению миграций в России становятся демографический, экономико-географический, социологический, этнокультурный, политический и структурно-функциональный [Абдуллаев, 2019]. Одновременно предпринимаются попытки сохранения преемственности исследований и даже восстановления связи с работами дореволюционных авторов (путем знакомства и переоценки их наследия).

б) *после 2014 г. и до н. времени.* Международные события после присоединения Крыма к России, пандемия COVID-2019 и особенно начало Специальной военной операции на Украине (СВО) серьезно повлияли на мировые миграционные потоки, обусловив нестабильность иммиграции в Россию и рост эмиграции из страны. В связи с этим вновь повысилось значение внутренней миграции населения, а также обострился ряд проблем внешней миграции (в том числе вопросы привлечения мигрантов и безопасной миграции¹, адаптации мигрантов и их инклюзии в российское общество). Все большее внимание стали привлекать миграционные процессы на региональном и даже муниципальном уровне (см., например: [Пациорковский, Симагин, Муртузалиева, 2019]). «Детализация информационной базы» и появление «принципиально новых данных – сетей

¹ Безопасная миграция в трактовке ООН подразумевает упорядоченную, хорошо управляемую и легальную миграцию, т.е. организованную (подробнее см.: [Пряжникова, 2023, с. 151–152]).

сотовых операторов» – позволяют исследовать миграции на уровне муниципальных образований, а также «изучать временные циклы пространственной мобильности населения» [Карачурина, Мкртчян, Савоскул, 2022].

В 2018 г. принимается новая Концепция государственной миграционной политики на период 2019–2025 гг. – «в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции» [Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622]. Документ демонстрирует «переосмысление и переформатирование приоритетов миграционной политики ближайшего будущего: теперь миграционную политику определяют как вспомогательное средство для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» страны [Силантьев, 2020, с. 147]. Однако, как и в Концепции 2012 г., основное внимание в ней уделяется вопросам внешних миграций и иммигрантов в России. В 2023 г. в Концепцию 2018 г. были внесены изменения, в том числе для создания «привлекательных финансовых, социальных и иных механизмов сохранения человеческого капитала, снижения оттока населения Российской Федерации за рубеж», а также поддержки жителей Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, вынужденных переселиться в другие субъекты РФ из-за СВО [Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342]. Продолжается совершенствование отечественного миграционного законодательства (включая введение понятия «репатриант»), но опять преимущественно по направлению регулирования иммиграции [Горбачев, 2023].

Одновременно происходит изменение взглядов на формирование политики субъектов федерации по отношению к внутренней миграции. «Региональные власти должны осознать, что межрегиональная миграция – это не только перемещение человеческого ресурса из одного региона в другой, но и перемещение человеческого капитала, особого интеллектуально-информационного ресурса, потери которого дорого обходятся региональной экономике. В таком понимании миграционная трудовая мобильность становится сопоставимой с потоками финансового капитала... Одной из задач внутренней миграционной политики региона должно стать сохранение, развитие и эффективное использование собственного человеческого потенциала. От миграционной политики регионов можно ожидать положительных результатов только при условии создания лучших условий для труда и жизни по сравнению с соседними регионами. [Поэтому] необходимо проводить активную работу по формированию имиджа региона, привлекательного для потенциальных мигрантов» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 228].

Происходящие изменения ставят новые задачи и отрывают новые возможности перед исследователями миграций в России.

Перспективные направления изучения миграций

Современная тематика изучения миграций в России весьма обширна и разносторонняя, однако в ней существуют и пробелы, и недостаточно развитые направления. Перспективными для дальнейших исследований можно считать следующие.

Миграции в России, начиная с советского периода, рассматривались в основном с демографической точки зрения и с позиции обеспечения страны трудовыми ресурсами, а главным объектом исследований служила трудовая миграция. Однако в настоящее время все большее значение приобретает *образовательная миграция*. Нельзя сказать, что этот вид миграции в России не анализировался. Е.И. Самофалова отмечает следующие аспекты его изучения отечественными специалистами: а) статистико-демографические (Центр социального прогнозирования, в частности, работы Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьева), а также «прикладные исследования различных национальных групп мигрантов»; б) философско-теоретические, в том числе «различные подходы к изучению феномена, роли миграции в жизни индивида или принимающего региона, разработка терминологии и различных методик для исследования, исследования в области социологии управления» (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская, Е.Е. Письменная, В.И. Мукомель); в) политические, т.е. «влияние миграционной политики России на иностранных студентов, а также различные последствия образовательных реформ и различные правовые аспекты образовательной политики по отношению к мигрантам» (Е.Н. Алексеева, О.Д. Выхованец, С.В. Дементьева, М.В. Дюжакова, Д.Н. Митин); г) психолого-педагогические, касающиеся «адаптации образовательных мигрантов на новом месте обучения и к новым условиям жизни (России в целом, региону, конкретному населенному пункту)» – С.В. Дементьева, С.В. Бондаренко, Е.В. Афолина, Л.И. Бутенко, Д.В. Василенко, М.А. Иванова, Е.А. Нагайцева, Л. Тьерри, Д.А. Соколов, А.С. Ильина, В.П. Филиппова и др. [Самофалова, 2019, с. 83–84]. Представляется, что исследования образовательной миграции могут получить дополнительный импульс в связи с ее оценкой в качестве инструмента «мягкой силы» для укрепления международных позиций России (см., например: [Ростовская, Скоробогатова, Васильева, 2023]), а также источника дополнительных трудовых ресурсов для регионов (во время и после завершения образования).

Изучение миграций из сельской местности в городскую является традиционным направлением миграционных исследований. Вместе с тем в последние годы в России, во-первых, наметилась тенденция снижения миграции из села в город¹ и, наоборот, усилилось обратное движение (из городской в сельскую местность), во-вторых, обострилась проблема депопуляции населения ряда территорий (северных и восточных регионов в целом, а также сельских муниципалитетов в запад-

¹ «Так, в 2014 г. сельскую местность покинули 137,9 тыс. человек, тогда как в 2011, 2012 и 2013 гг. – 231,0, 235,2, 177,2 тыс. человек соответственно, при этом устойчиво 2/3 потерь обеспечивала межрегиональная миграция» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 225].

ных и центральных районах страны). В связи с этим *сельская миграция* и вопросы *привлечения мигрантов* (на региональном и муниципальном уровнях) заслуживают большего внимания со стороны отечественных ученых.

«В современной России проблемы депопуляции населения большинства регионов в значительной мере рождаются миграционными процессами, а не только за счет естественной убыли населения, которая характерна для большинства территорий. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселенности мегаполисов европейской части страны, а также обезлюдения удаленных территорий. Но, как показывает государственная статистика, скорее всего заниженная, этот процесс пока только затормозился, но не прекратился... По мнению специалистов, решение проблемы переселения в восточные и северные регионы требует специально разработанных программ привлечения внутренних мигрантов. Очевидно, что для прекращения «оттока» и для дальнейшего «миграционного разворота» необходимо выстраивание социокультурной инфраструктуры территорий, приближение стандартов социальных, медицинских, образовательных услуг к столичным образцам, расширение рынка труда за счет новых, интеллектуальных профессий, которые будут привлекательны для молодежи и людей средних возрастов, задерживая их от миграции» [Беляева, 2023, с. 14, 15]. Нельзя не согласиться с утверждением, что «решение современных проблем сохранения и прироста человеческого капитала [территорий] требует комплексного междисциплинарного анализа» [Беляева, 2023, с. 25].

Относительно новым объектом изучения для исследователей является *климатическая (экологическая) миграция* (подробнее см., например: [Зворыкина, Тетерятников, 2019]). Практическая польза от работ данного направления возрастает в связи с участвовавшими в последние годы стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями, вызванными природными факторами.

Новые возможности открываются также для исследователей *исторических миграций*, благодаря применению современных цифровых и биотехнологий. По нашему мнению, это направление является на сегодняшний день недооцененным, и по мере продолжения научных работ можно ожидать интересные находки.

Важным ракурсом изучения миграций становится *социолого-культурологический* (поведенческий), связанный с изучением вопросов адаптации мигрантов, взаимоотношений с местным населением и культурного переноса. Без прояснения этих аспектов трудно избежать возникновения напряжения в социальных отношениях на региональном уровне и обеспечить адекватное регулирование миграционных процессов.

Отечественные эксперты неоднократно высказывали опасения, что мигранты станут конкурентами для местного населения на рынке труда. Однако такие предположения в значительной степени не оправдались, так как мигранты занимают прежде всего свободные места и малопривлекательные ниши (хотя в ряде отраслей и регионов приток мигрантов негативно сказался на вели-

чине и росте заработной платы). Наибольшие сложности, связанные с мигрантами, возникают в социально-бытовой сфере, в том числе из-за роста нагрузки на неподготовленные социальные институты (особенно учреждения здравоохранения и образования) и разницы в культурных стереотипах поведения. Также нельзя игнорировать проблему собственно положения мигрантов в России – как в плане юридической защиты их прав и социального обеспечения (включая условия проживания и труда, охрану здоровья), так и в разрезе криминальной (нелегальной) миграции и миграционной преступности. Относительно последней существуют диаметрально противоположные взгляды (см.: [Баранов, 2023; Зайнашев, 2023]), поэтому необходимо проведение глубоких и обширных научных исследований, для того чтобы составить объективную картину и обосновать соответствующие меры реагирования.

Наконец, огромный пласт научных исследований, прежде всего в области правоведения (но не только), связан с формированием и корректировкой *государственной миграционной политики и регулирования миграции*. Безусловно, эти работы продолжают оставаться актуальными в современных условиях (подробнее см.: [Силантьев, 2020; Городнов, 2022; Горбачев, 2023]).

Развитие исследований в области миграций населения невозможно без совершенствования их *статистического обеспечения* и повышения качества (полноты и достоверности) официальной информации. В частности, большие сомнения у экспертов вызывают данные о миграциях по республикам Северного Кавказа [Александров, 2021]. Но это только часть проблемы.

«Статистика миграции населения, воспринимаемая как часть демографической статистики, на самом деле занимает в ней достаточно маргинальное положение. Проблема в том, что показатели, обычно применяемые для исчисления населения, дают представление лишь об отдельных, не всегда важных сторонах миграционных процессов... при формировании исследовательского нарратива о внутрироссийской миграции ... исследователь постоянно вынужден решать для себя проблему неполноты статистических данных. Она особенно актуальна в отношении миграционных потоков и лишь отчасти компенсируется сведениями о контингентах... Другая проблема – необходимость апеллировать исключительно к агрегированным, обобщенным данным. Удобные для анализа количественных сведений, они дают скудную и весьма избирательную информацию о качественных характеристиках мигрантов. С другой стороны, имеется очень немного номинативных источников, позволяющих реконструировать конкретные жизненные сюжеты. ... Таким образом, опираясь преимущественно на статистику миграции, исследователь неизбежно вынужден играть по правилам историков-демографов. Но и это невероятно сложно, учитывая скудость доступных данных. Если же мы пытаемся определить «человеческое лицо» миграции, то при обращении к источникам о качественных характеристиках миграции сталкиваемся с опасностью утраты общей картины; возникают проблемы с формализацией и верификацией доступных данных» [Горбачев, 2022, с. 37–39, 42–43].

Вопрос обеспечения исходной информацией (статистическими данными) наиболее значим для изучения эмиграции из России, маятниковой и циркулярной внутрироссийской миграции, а также диаспор мигрантов (иностраннных граждан внутри страны и русскоязычных мигрантов за границей). Решение этой проблемы видится в расширении использования альтернативных источников информации, например данных стран – доноров мигрантов для России и стран – реципиентов русскоязычных мигрантов, транспортной статистики и данных сотовых операторов, а также в проведении более разнообразных и глубоких социологических исследований.

В связи с этим особую актуальность приобретают работы *теоретико-методологического направления*. Необходимость комплексного подхода к миграциям населения предполагает развитие методологии и методик изучения миграционных процессов (включая правомерное использование методов одних социальных наук в других и совершенствование информационного обеспечения), расширение сотрудничества в сфере изучения миграции между специалистами из разных регионов России, а также продолжение их взаимодействия с иностранными коллегами.

Заключение

Изучение миграций населения в России, фактически начавшееся в XIX в., имеет весьма заметные специфические особенности. Во-первых, оно характеризуется прерывистостью и слабой преемственностью. Как отмечают специалисты, «у большинства русскоязычных исследователей позднего советского (раннего российского) периодов сложно найти ссылки на работы по миграции русскоязычных авторов дореволюционного или довоенного времени, не говоря уже об использовании ими методологии того времени. В общем виде преемственность в [современных] миграционных русскоязычных исследованиях начинается только с 1970-х годов»¹ [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 15].

Во-вторых, отечественная научная мысль в области изучения миграции долго развивалась обособленно от мирового научного сообщества и по тематике исследований во многом от него отличалась. Однако «период изоляции русскоязычных исследователей» не послужил «катализатором появления национальной традиции изучения миграции». Более того, «развиваясь параллельно и, по большей части автономно, исследования дореволюционного времени, а также исследования более позднего периода во многом перекликаются с результатами исследований англоязычных авторов начала и середины 20 века» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 15]. Возможно, именно поэтому в 1990-е годы российские ученые достаточно легко вошли в русло мирового научного дискурса по проблемам миграции, включая восприятие большинства зарубежных теоретических концепций.

¹ Хотя следует признать, что работы 1920-х годов во многом продолжали дореволюционные традиции изучения миграции населения.

В настоящее время изучение миграций является в России весьма популярной областью научных знаний и привлекает широкий круг специалистов из практически всех общественных (социально-гуманитарных) дисциплин. Вместе с тем это подразумевает значительную обособленность проводимых исследований и разрозненность получаемых результатов, требуя их синтеза и обобщения.

Наконец, изучение миграций в России во многом определяет исторический контекст (институциональные условия). Сами исследования отличаются сильным практическим уклоном и нередко осуществляются вне рамок научных организаций. В свою очередь, это обуславливает недостаточное теоретическое и философское осмысление миграционных процессов, откуда проистекает широко распространенный метод «проб и ошибок» при их регулировании.

Представляется, что осознание сильных (практико-ориентированность, широта и разнообразие) и слабых сторон (недостаточное развитие теоретико-методологического направления) в изучении миграций отечественными специалистами будет способствовать совершенствованию проводимых исследований и достижению значимых научных результатов.

Список литературы

1. Абдуллаев А.А. Особенности изучения внутренней миграции в политической науке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2019. – № 2. – С. 96–103.
2. Александров А. Загадки внутренней миграции: какие вопросы рожают новые данные Росстата // NEWS. ru. – 2021. – 25.08. – URL: <https://news.ru/society/zagadki-vnutrennij-migracii-kakie-voprosy-rozhdayut-novye-dannye-rosstat/> (дата обращения 10.02.2024).
3. Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. – 332 с.
4. Баранов О. Мигранты и преступность: анализ статистики и объективная картина // Media-MIG. Все о трудовой миграции. Закон. – 2023. – 10.07. – URL: <https://media-mig.ru/zakonodatelstvo/real-no-li-rastet-kolichestvo-prestuplenii-soversh/> (дата обращения 11.03.2024).
5. Беляева Л.А. Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в. // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14, № 1. – С. 13–28.
6. Василенко П.В. Основные этапы и направления исследования миграции населения в отечественной науке // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 40–52.
7. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с.
8. Горбачев Е. Изменения в миграционном законодательстве за 2023 г. // АГ-эксперт. Отношения с органами государственной и муниципальной власти. – 2023. – 28.12. – URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/izmeneniya-v-migratsionnom-zakonodatelstve-za-2023-god/> (дата обращения 11.03.2024).
9. Горбачев О.В. Изучение внутренней российской миграции в XX в.: проблема формирования исследовательского нарратива // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 36–43. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/119715> (дата обращения 24.02.2024).
10. Городнов А.В. Миграционные процессы в контексте социально-демографической ситуации в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социология науки. – 2022. – № 4 (68). – С. 142–153.
11. Григорьев Василий Николаевич // Научное наследие России. – URL: <http://www.e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/3387> (дата обращения 22.02.2024).
12. Гурвич Исаак Аронович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гурвич,_Исаак_Аронович (дата обращения 22.02.2024).
13. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – Москва : МГУ, 1989. – 96 с.
14. Долгов А.А. Основные направления исследования миграции населения в отечественной науке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 29–35.

15. Дэн В.Э. Памяти Александра Аркадьевича Кауфмана // Галерея экономистов. – 1919. – URL: https://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=.ru/kaufman/biogr/kaufman_b1.txt&name=kaufman&img=brief.gif (дата обращения 20.02.2024).
16. Жирнов Е. «Не имеют права на паспорт 37 процентов населения» // Коммерсант Власть. – 2009. – 13.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1147485> (дата обращения 04.03.2024).
17. Зайнашев Ю. Почему мигранты стали совершать больше преступлений // Взгляд. Деловая газета. – 2023. – 11.04. – URL: <https://vz.ru/society/2023/4/11/1206938.html> (дата обращения 11.03.2024).
18. Занданова Л.В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2007. – С. 27–45.
19. Зворыкина Ю.В., Тетерятников К.С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Труды ВЭО России. – 2019. – Т. 216, № 2. – С. 236–256.
20. Зубков И.В. Переселенчество // Большая российская энциклопедия. – 2014. – URL: <https://bigenc.ru/c/pereselenchestvo-84a5b2> (дата обращения 28.02.2024).
21. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
22. История создания // Центр миграционных исследований. Деятельность. – URL: <https://web.archive.org/web/20180905140954/http://migrocenter.ru/center-history> (дата обращения 11.03.2024).
23. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. – 2022. – Т. 86, № 3. – С. 353–373.
24. Кирсанов К.А., Волох В.А., Очиров А.В. Базовые модели миграциологии // Наукоеведение. – 2012. – № 4 (13) : Экономика и менеджмент. – URL: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-12-economy-management> (дата обращения 22.02.2024).
25. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ 13.06.2021) // Совет безопасности РФ. Государственная и общественная безопасность. – 2012. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document116/> (дата обращения 11.03.2024).
26. Кравченко А.И. Исаев Андрей Алексеевич / Энциклопедия. Фонд знаний «Ломоносов». – 2010. – 15.12. – URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128796:article> (дата обращения 22.02.2024).
27. Лисицын П.П., Гибазов Р.Р. Начало изучения миграции в России: поиски русского Равенштайна // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – № 3 (7). – С. 14–21.
28. Логинова Л.В., Понукалина О.В. Межрегиональные миграционные процессы в современной России: тенденции и проблемы управления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 222–229.
29. Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля ; Центр миграционных исследований. – Москва : Изд-во товарищества «Адамант», 2007. – 370 с.
30. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И. Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения / РАНХиГС. – Москва : Издательский дом «Дело», 2020. – 76 с.
31. Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения России во второй половине XIX – начале XX столетия. – Москва : ТЭИС, 2008. – 272 с.
32. Моррисон А. Аллергия России на свое колониальное прошлое // ИНОСМИ. – 2022. – 18.01. – URL: <https://inosmi.ru/20170102/238450798.html> (дата обращения 21.02.2024).
33. Ноздрин Г.А. Переселенческое управление // Библиотека сибирского краеведения. – URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/pereselencheskoe-upravlenie> (дата обращения 28.02.2024).
34. От мечты до стройки века: история байкальских магистралей // Интерфакс. История. – URL: <https://baikalrail.interfax.ru/history.php> (дата обращения 03.03.2024).
35. Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. – 2019. – Том 10, № 3. – С. 59–77.
36. Положихина М.А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 20–37.
37. Пряжников О.Н. Безопасная миграция. Рец. на кн.: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 228 p // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 150–159.
38. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Васильева Е.Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов. – Москва : Проспект, 2023. – 128 с.
39. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – Москва : Изд-во «ЭконИнформ», 2017. – 234 с.
40. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – Москва : ИПИ РАН, 2003. – 238 с.
41. Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования // Региональные исследования. – 2014. – № 4 (46). – С. 28–39.

42. Самовтор С.В. Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска (1821–1826) // Козацька спадщина : альманах Нікопольського регіонального відділення Науково- дослідного інституту козацтва Інституту історії України / НАН України. – Дніпропетровськ : Пороги, 2008. – Вип. 4. – С. 142–146.
43. Самофалова Е.И. Методология анализа образовательной миграции в социальной философии в отечественной мысли // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 50. – С. 75–87.
44. Силантьев В.А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. – 2020. – № 4. – С. 146–151.
45. Сон Ж.Г. Союз ССР в 1930-е годы: добровольное и принудительное переселение на примере корейцев // Корё Сарам = Записки о корейцах. – 2017. – 21.06. – URL: <https://koryo-saram.site/soyuz-ssr-v-1930-e-gody-dobrovolnoe-i-prinuditelnoe-pereseleniya-na-primere-korejtcsev/> (дата обращения 29.02.2024).
46. Станислав Густавович Струмилин. К 30-летию со дня смерти // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 145–146. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/nauka01.php> (дата обращения 29.02.2024).
47. 115 лет со дня рождения Льва Ефимовича Минца // Демоскоп Weekly. – 2008. – № 317–318. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/nauka01.php> (дата обращения 29.02.2024).
48. Суворова Н.Г., Филимонов А.В. Советская колонизация в терминологических дискуссиях раннесоветских экспертов // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 1 (25). – С. 45–57.
49. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы» // Президент России. События. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 11.03.2024).
50. Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622» // Президент России. Документы. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49202> (дата обращения 11.03.2024).
51. Юдина Т.Н. Социология миграции : учебное пособие для вузов. – Москва : Академический проект, 2006. – 272 с.
52. Ямзин // Демографический энциклопедический словарь. – URL: <https://demography.academic.ru/2791/ЯМЗИН> (дата обращения 20.02.2024).

DIRECTIONS AND PROBLEMS OF STUDYING INTERNAL MIGRATION IN RUSSIA (Review)

Maria Polozhikhina

PhD (Geograp. Sci.), Leading researcher of the Department of Economics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia); polozhihina2@mail.ru

Abstract. *The review presents the history of the study of migration in Russia (primarily internal) in connection with the transformation of migration processes themselves and the transformation of the institutional environment. The change of priorities and directions of migration research is considered in chronological order, the most significant research works for each period, their authors and institutes are presented, and the change in the approaches of specialists is demonstrated. In conclusion, the main problems of studying internal migration in the country at the present time and promising areas of research are listed.*

Keywords: *internal migration; Russia; scientific research; migrationology; state migration policy.*

For citation: Polozhikhina M.A. Directions and problems of studying internal migration in Russia (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – No. 1. – P. 11–36.